

ФОНД ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

Mark PENNINGTON

**ROBUST
POLITICAL
ECONOMY**

Classical Liberalism
and the Future of Public Policy

EDWARD ELGAR
Cheltenham, UK • Northampton, MA, USA

Марк ПЕННИНГТОН

**КЛАССИЧЕСКИЙ
ЛИБЕРАЛИЗМ**
и будущее
социально-экономической
ПОЛИТИКИ

•МЫСЛЬ•
Москва

УДК 330.831.8
ББК 65.02(0)6-2
П25

ФОНД ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

Перевод с английского Юрия Кузнецова

Пеннингтон, Марк
П25 **Классический либерализм и будущее социально-экономической политики** / М. Пеннингтон ; пер. с англ. Ю. Кузнецова. — Москва : Мысль, 2014. 452 с.
ISBN 978-5-244-01172-2

Автор предлагает всеобъемлющую защиту принципов классического либерализма. При этом он связывает экономические аргументы, которые обычно выдвигаются в пользу социально-экономической политики классического либерализма, ограниченного правительства и открытых рынков, с моральными и этическими аргументами, которые также имеют отношение к институциональным аргументам. Эту связь обеспечивает понятие «робастная политическая экономия» — нам нужны робастные (устойчивые) политические институты, способные выдерживать давление и напряжения, создаваемые слабыми сторонами человеческой природы. В книге рассматривается две из них: проблема ограниченной рациональности (люди не всеведущи и им приходится действовать в условиях неопределенности) и проблема стимулов (в некоторых ситуациях люди склонны действовать оппортунистически, так что требуются институты, дисциплинирующие потенциально оппортунистического агента).

Первая часть книги представляет собой прямую полемику с представителями конкурирующих социальных философий: сторонниками государственного вмешательства, черпающими свои аргументы в ложных «провалах рынка», сторонниками двух разновидностей коммунизма и эгалитаристами, отстаивающими специфически понимаемое равенство и социальную справедливость.

Во второй части автор систематически применяет принципы, сформулированные в первой части, к проблемам социального обеспечения, формированию наднациональных бюрократических надстроек, защите окружающей среды и др. вопросам.

УДК 330.831.8
ББК 65.02(0)6-2

ISBN 978-1-84980-765-4 (англ.)
ISBN 978-5-244-01172-2 (рус.)

© Mark Pennington 2011
© Мысль, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. Введение: классический либерализм и робастная политическая экономия	11
Введение	11
Сравнительный институциональный анализ и робастная политическая экономия	13
Классический либерализм и робастная политическая экономия	15
Вызовы классическому либерализму и структура книги	22
<i>Часть I. Вызовы, с которыми сталкивается классический либерализм</i>	22
<i>Часть II: Классический либерализм и будущее публичной политики</i>	26

Часть I

ВЫЗОВЫ КЛАССИЧЕСКОМУ ЛИБЕРАЛИЗМУ

Глава 2. Провалы рынка, «старые» и «новые»: вызов со стороны неоклассической экономической теории	31
Введение	31
Равновесие, эффективность и робастная политическая экономия	32
Классический либерализм против «старой» теории провалов рынка: наследие спора об экономическом расчете при социализме	36
<i>«Старая» теория провалов рынка и спор об экономическом расчете при социализме</i>	36
<i>«Проблема знания»: Хайек и доводы в пользу рынков, основанных на частной собственности</i>	38
<i>«Проблема стимулов»: теория общественного выбора и провалы государства</i>	44
«Новая теория провалов рынка: вызов экономической теории информации	47
<i>Экономическая теория Стиглица и «новая» теория провалов рынка</i>	48
Классический либерализм против «новой» экономической теории провалов рынка	53

Непонимание конкуренции	54
«Привязка», зависимость от прошлой траектории и макроэкономические провалы	58
Непонимание роли цен	63
Рынки, предпринимательское регулирование и асимметричная информация	67
Искаженное изложение Коуза и игнорирование теории общественного выбора	69
Эволюция, сравнительный анализ институтов и экономические доводы в пользу классического либерализма	72
Классический либерализм против ошибки Панглосса	72
Политический процесс и ошибка Панглосса	78
Заключение	82
Глава 3. Уход, высказывание и коммуникативная рациональность: вызов коммунитаризма I	83
Введение	83
Коммунитаристская политическая теория и совещательная демократия	84
Классический либерализм, стихийный порядок и коммуникативная рациональность	92
Индивидуализм: истинный и ложный	93
Общность, сложность и стихийный порядок	95
Эндогенные предпочтения и общественный выбор	98
Уход и высказывание как альтернативы: проблема знания	100
Совещательность и «синоптическая иллюзия»	101
Проблема неявного знания	104
Уход и высказывание как альтернативы: информационная прозрачность и проблема стимулов	107
Проблема рационального незнания	107
Проблема рациональной иррациональности	110
Уход и высказывание как альтернативы: моральный аргумент	113
Логистика и равное уважение	113
Представительство самого себя против представительства групп	115
Переговоры и коммуникация	121
Равенство, неравенство и коммуникация	123
Заключение	127

Глава 4. Уход, высказывание и коммуникативная рациональность: вызов коммунитаризма II	129
Введение	129
Доверие, социальный капитал и коммунитаристская политика	130
<i>Исторический «миф» о «свободном рынке»</i>	131
<i>Доверие, социальный капитал и критика либеральных рынков.</i>	133
<i>Доверие, социальный капитал и доводы в пользу расширения полномочий государства</i>	136
Классический либерализм и социальный капитал	138
<i>Стихийное происхождение рынков.</i>	138
<i>Классический либерализм и важность связывающего социального капитала</i>	141
<i>Классический либерализм и стихийное порождение связывающего социального капитала</i>	146
Классический либерализм и соотношение между «обязывающим» и «связывающим» социальным капиталом	151
<i>Семьи, добровольные объединения и соотношение между обязывающим и связывающим социальным капиталом</i>	151
<i>Фирмы и соотношение между обязывающим и связывающим социальным капиталом</i>	155
<i>Культура, этничность и соотношение между обязывающим и связывающим социальным капиталом</i>	157
Робастная политическая экономия и эволюция социального капитала	159
<i>Провалы государства и социальный капитал: проблема знания</i>	160
<i>Провалы государства и социальный капитал: проблема стимулов</i>	165
Заключение	172
 Глава 5. Равенство и социальная справедливость: вызов эгалитаризма	175
Введение	175
Эгалитаристская политическая теория, социальная справедливость и равное уважение	176
<i>Ролз о социальной справедливости</i>	176
<i>Дворкин о социальной справедливости.</i>	181
<i>Янг о социальной справедливости</i>	183

Проблема знания и социальная справедливость I:	
эгалитаризм как конструктивистский	
рационализм	188
<i>Ролз как рационалист-конструктивист</i>	188
<i>Дворкин как рационалист-конструктивист</i>	193
<i>Янг как рационалист-конструктивист</i>	196
<i>Справедливость, беспристрастность и проблема знания</i>	198
Проблема знания и социальная справедливость II:	
компромиссы между ценностями	
и мираж социальной справедливости	204
<i>Недоопределенность эгалитаристской справедливости</i>	204
<i>Справедливость, ответственность</i>	
<i>и стихийный порядок</i>	209
<i>Угнетение и эгалитаристская справедливость</i>	214
Проблема стимулов	
и социальная справедливость	216
<i>Стимулы и обособленность личностей</i>	216
<i>Стимулы и собственность</i>	221
Заключение	228

Часть II КЛАССИЧЕСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ И БУДУЩЕЕ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ

Глава 6. Помощь бедным и публичные услуги:	
социальное государство	
или минимальное государство?	223
Введение	233
Помощь бедным и публичные услуги: классическая	
либеральная точка зрения	234
<i>Классический либерализм и помощь бедным</i>	234
<i>Фактические данные о помощи бедным</i>	238
<i>Классический либерализм об образовании</i>	
<i>и здравоохранении</i>	241
<i>Фактические данные об образовании</i>	
<i>и здравоохранении</i>	244
Возражения, основанные на идее	
«провалов рынка»	249
<i>Является ли помощь бедным коллективным благом?</i>	252
<i>Публичные услуги и положительные внешние эффекты</i>	256
<i>Информационная асимметрия</i>	
<i>и социальное государство</i>	260
<i>Когнитивные искажения и социальное государство</i>	265
Коммунитаристские возражения	268

<i>Классический либерализм</i>	
и «этнос общественного служения»	270
<i>Классический либерализм и реципрокность</i>	272
<i>Общины, компромиссы между ценностями</i>	
и социальное государство	275
Эгалитаристские возражения	277
<i>Равенство, компромиссы между ценностями</i>	
и социальное государство	281
<i>Конкуренция, стихийный порядок</i>	
и эгалитарная справедливость	284
<i>Угнетение и социальное государство</i>	289
Заключение	293

Глава 7. **Институты и международное развитие: глобальное управление**

или минимальное государство?	295
Введение	295
Робастная политическая экономия, институты	
и развитие: классический либеральный подход	296
<i>Почему институты имеют значение</i>	296
<i>Институты и предпринимательство</i>	297
<i>Институты и неопределенность</i>	299
<i>Конкуренция: внутренняя и международная</i>	301
<i>Фактические данные об институтах и развитии</i>	302
<i>Экономическое развитие</i>	
и путь к классическому либерализму	306
Возражения против классического либерализма	
на международном уровне, основанные	
на идее «провалов рынка»	309
<i>Эффект «привязки» и развитие</i>	313
<i>Может ли опыт структурных преобразований</i>	
служить опровержением классического либерализма?	317
<i>Противоречит ли восточноазиатская модель</i>	
классическому либерализму?	322
Коммунитаристские возражения	
против классического либерализма	
на международном уровне	327
<i>Ведет ли классический либерализм</i>	
к культурной однородности?	329
<i>Торговля, коммуникативная рациональность</i>	
и социальный капитал	331
<i>Против глобальной советательности</i>	333
Эгалитаристские возражения против классического	
либерализма на международном уровне	335

<i>Существует ли глобальная система распределения?</i>	338
<i>Против глобализации социальной справедливости</i>	345
Заключение	346
Глава 8. Защита окружающей среды: зеленый левиафан или минимальное государство?	347
Введение	347
Классический либерализм, права собственности и защита окружающей среды	348
<i>Аргументация, основанная на «провалах рынка»</i>	348
<i>Провалы рынка или провалы государства?</i>	351
<i>Доводы в пользу частной собственности</i>	354
<i>Подход к решению более трудных проблем: права собственности и институциональное предпринимательство</i>	356
Возражения против классического либерального энвайронментализма, основанные на идее «провалов рынка»	363
<i>Требуется ли государство для существования прав собственности на окружающую среду?</i>	365
<i>Ведет ли сотрудничество в защите окружающей среды к появлению монопольной власти?</i>	370
<i>Дилемма климатических изменений</i>	371
Коммунитаристские возражения против классического либерального энвайронментализма	375
<i>Права собственности, экологические рынки и общее благо</i>	378
<i>Права собственности и эволюция экологических предпочтений</i>	381
<i>Права собственности и экологическая этика</i>	385
Эгалитаристские возражения против классического либерального энвайронментализма	387
<i>Взаимосвязь между бедностью, неравенством и защитой окружающей среды</i>	391
<i>Мираж экологической справедливости</i>	394
<i>Права собственности, власть и мираж климатической справедливости</i>	399
Заключение	403
Глава 9. Заключение	347
Выражение признательности	411
Библиография	412
Указатель	434

ГЛАВА 1

ВВЕДЕНИЕ: КЛАССИЧЕСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ И РОБАСТНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ

Введение

Современные споры в сфере политической экономии были сформированы реакцией на «неолиберализм». Начиная с реформы социального государства и заканчивая дискуссиями о международной торговле и окружающей среде, многочисленные комментаторы обсуждают явно растущее влияние веры в «свободные рынки» и минимальное государство. Такого рода комментарии создают впечатление, что после краха социалистического проекта в Восточной Европе и в других местах существовавшее в политическом ландшафте противодействие неолиберализму, или классическому либерализму, как его в действительности следовало бы называть, было маргинализировано.

Однако беглый взгляд на траекторию публичной политики обнаруживает совсем другую картину. В то время как наблюдаемое в последние годы движение «приватизации», возможно, замедлило наступление послевоенной социал-демократии, многие сферы политики продемонстрировали заметное сопротивление либерализации или стали свидетелями дальнейшего расширения роли государства. Например, финансирование и предоставление услуг здравоохранения и образования в большинстве либеральных демократий остаются заповедником, в котором преобладает государство, причем даже незначительные попытки допуска в эти сферы рыночных сил приводят лишь к небольшому продвижению вперед. В сфере международной торговли давно существующая приверженность к сельскохозяйственному протекционизму и широко распространенная поддержка международной финансовой помощи в качестве ключа к обеспечению процветания развивающихся экономик подтверждает неизменную привязанность к интервенционистским принципам. Политика в области экологии и окружающей среды с ее массивным наращиванием регуляторных инициатив продемонстрировала еще большее сопротивление классическим либеральным идеям. И, как будто всего этого было недостаточно, беспрецедентные масштабы

правительственной активности, которая последовала за «финансовым кризисом» 2008 г., вряд ли говорят о том, что хватка «рыночного фундаментализма» была особенно крепкой и надежной.

Быстрота, с которой правительства в ответ на недавний финансовый кризис поспешили расширить свои властные полномочия, отражает долговременную тенденцию в сфере идей и мнений, результаты которой вовсе не укрепляли классические либеральные идеи, но, наоборот, активно стремились их подорвать. Например, доминирующая в экономической теории неоклассическая традиция выдвигает все более и более изощренные обоснования для широкого государственного вмешательства, от регулирования производства товаров до экологических налогов. Тем временем политические теоретики подвергают сомнению философские и моральные предпосылки классического либерализма, утверждая, что многие из них базируются на грубой форме индивидуализма, которая подрывает нормы солидарности и дистрибутивной (распределительной) справедливости. Таким образом, если в современных общественных науках и есть некая доминирующая позиция, то она характеризуется явной или скрытой враждебностью к классическому либерализму и поддержкой «социальной демократии» в национальном и международном масштабе.

Ввиду такого развития событий эта книга стремится опровергнуть многие из аргументов, выдвигаемых в современной политической экономии против классического либерализма, и вновь заявить о приверженности к продвижению «в направлении минимального государства». Цель книги состоит не в том, чтобы внести «новый» вклад в политическую экономию *per se*, а в том, чтобы синтезировать существующие аргументы в рамках особой аналитической концепции — «робастной* политической экономии», — которая демонстрирует неизменную релевант-

* «Робастность» (от *англ.* *robust* — здоровый, крепкий, сильный) — термин, заимствованный из математической статистики и теории управления. В статистике робастными оценками называют оценки, нечувствительные или малочувствительные к неоднородностям в наблюдениях, вызываемых различными, зачастую неизвестными причинами (такими как ошибки измерительных приборов, ошибки при передаче информации об измерениях, попытки «подгонки» данных, статистические выбросы и др.). В теории управления под робастностью (или «грубостью») системы управления подразумевается ее малая чувствительность к изменению параметров. И в том и в другом случае робастность представляет собой определенную разновидность концепции устойчивости системы или метода. — *Прим. ред.*

ность классических либеральных принципов и их применимость к ряду самых насущных и неотложных проблем сегодняшнего дня. Для решения этой задачи данная книга привлекает обширную литературу по экономической и политической теории, фокусируясь в первую очередь на рассуждениях в рамках «сравнительного анализа институтов». Эта вводная глава начинается с изложения принципов институциональной «робастности», на которых базируется компаративный институциональный анализ. Затем в ней представлены аргументы в пользу классического либерализма как учения, удовлетворяющего требованиям «робастной политической экономии». В заключительном разделе дается эскизный набросок тех основных вызовов, стоящих перед робастностью классического либерализма, которые подробно рассматриваются в последующих главах.

Сравнительный институциональный анализ и робастная политическая экономия

Политическая экономия занимается в первую очередь сравнением результатов функционирования социальных и экономических институтов. Человеческая деятельность всегда происходит в конкретной институциональной обстановке, и условия, с которыми люди сталкиваются в рамках тех или иных институтов, воздействуют на характер их поведения и на получающиеся социальные результаты. В этом контексте «робастная» совокупность институтов может быть определена как такая, которая порождает благотворные результаты даже при наименее благоприятных условиях (Leeson и Subrick, 2006). Такие условия могут возникнуть как следствие человеческого несовершенства. Если люди «совершенны» или, по меньшей мере, «совершенствуемы», то вопросы сравнительного институционального анализа могут и не возникнуть — мы могли бы ожидать благотворного результата независимо от институциональных рамок. Но если люди в тех или иных аспектах «несовершенны», то вопросы институциональной робастности становятся центральными. Определенные институты могут быть лучше, чем другие, приспособлены к тому, чтобы противостоять нагрузкам и напряжениям, порождаемым соответствующими человеческими слабостями.

В контексте институционального анализа существует два вида человеческих несовершенств, которые следует принимать во внимание, рассматривая робастность альтернативных

режимов. Первый из них — это «проблема знания». Человеческие особи ограничены в своих когнитивных возможностях, и, как следствие, даже наиболее умные и дальновидные люди характеризуются относительной неосведомленностью по поводу того общества, в котором они пребывают (Hayek, 1948a; Simon, 1957). Учитывая несовершенство человеческого знания, последствия всякого конкретного действия либо для связанных с ним действующих лиц (акторов), либо для более широкого общества будут в любой данный момент времени оставаться неопределенными. Следовательно, робастные институты должны позволять людям адаптироваться к обстоятельствам и условиям, о которых они непосредственно не осведомлены, и давать им возможность в условиях «ограниченной рациональности» с течением времени учиться на ошибках и улучшать качество своих решений.

Второй вид человеческого несовершенства, который необходимо принимать в расчет, — это возможность того, что люди могут действовать, будучи мотивированы личным интересом (Ostrom, 2006). Актеры могут действовать, преследуя свои собственные, вполне конкретные цели — материальные или нематериальные, — а вовсе не на основе каких-то представлений об «общем благе» или «публичных интересах». Люди могут не испытывать желания вносить вклад в обеспечение интересов их собратьев, если они не в состоянии извлечь некоторую личную выгоду от подобных действий. Стимулы могут иметь значение и, как следствие, институты надлежит оценивать по их способности канализировать потенциально эгоистические побуждения таким способом и в таком направлении, чтобы это порождало благотворные результаты на уровне общества. Действия в рамках эгоистического поведения и личной заинтересованности могут при определенных институциональных условиях привести к полному социальному и экономическому распаду, но если институты структурированы надлежащим образом, то даже те, кто руководствуется самыми своекорыстными и узкоэгоистическими мотивами, могут действовать способами, приносящими пользу тому обществу, частью которого они являются.

Имея в виду отмеченные выше человеческие несовершенства, робастная политическая экономия институтов и решений ищет ответы на следующие три вопроса:

- Какие институты показывают наилучшие результаты, когда люди не являются всеведущими?

- Какие институты показывают наилучшие результаты, когда люди мотивированы собственными эгоистическими интересами?
- Какие институты показывают наилучшие результаты, когда люди располагают ограниченными знаниями *и одновременно* склонны к своекорыстному, эгоистичному поведению?

Классический либерализм и робастная политическая экономия

Ответ классического либерализма на поставленные выше вопросы состоит в том, что институты частной или совместной (групповой) собственности, рыночная экономика и ограниченное государство, роль которого сводится к разрешению споров между частными сторонами, лучше всего способны удовлетворить требованиям робастного режима.

Истоки классического либерализма, как он понимается в этой книге, лежат в шотландском Просвещении, представленном Адамом Смитом и Дэвидом Юмом, а в более поздние времена нашедшем отражение в трудах Фридриха Хайека (Friedrich Hayek), Майкла Оукшотта (Michael Oakeshott) и Джеймса Бьюкенена (James Buchanan). Фундаментальный организационный принцип классического либерализма – свобода объединения и отделения, свобода создавать объединения и распускать их [freedom of association and dissociation]. Люди, согласно этой точке зрения, должны располагать свободой входить в самые разнообразные человеческие системы отношений и выходить из них. Нет необходимости исключать из числа этих объединений авторитарные или коммунитарные организации, которые внутри себя придерживаются «либеральных» норм, но социальные акторы должны иметь возможность покинуть любую группу, к которой они присоединились добровольно или в которую были «включены от рождения» на недобровольной основе. Следовательно, классическое либеральное общество – это такое общество, где есть разнообразные юрисдикции и властные институты, ни один из которых не обладает тотальной, иерархической формой власти над другими (Kukathas, 2003; Кукатас, 2011). Важное предварительное условие такого порядка состоит в том, что владение собственностью широко, хотя и не обязательно равномерно, рассредоточено внутри совокупности индивидов и добровольных ассоциаций.

Частное или групповое владение собственностью признается сторонниками классического либерализма в качестве *modus vivendi**, необходимого для того, чтобы справиться с реальностью разнообразия человеческих ценностей. В условиях ограниченной рациональности способность вступать в различные системы человеческих взаимоотношений и покидать их облегчает обучение методом проб и ошибок, поскольку люди могут наблюдать результаты, которые проистекают из разных способов организации жизни. Кроме того, пространство, которое частная собственность предоставляет людям для экспериментирования с их собственными предпочитаемыми целями и намерениями, минимизирует конфликты в тех условиях, где люди демонстрируют различные представления о хорошей жизни. Когда владение собственностью рассредоточено, то существует больший диапазон возможностей для того, чтобы вступать в добровольные соглашения и контракты ради достижения собственных целей, не мешая другим акторам искать себе других партнеров для достижения своих целей. Напротив, когда владение собственностью сконцентрировано в единственном центре, те, кто контролирует соответствующее учреждение, обладают способностью навязывать свои частные цели другим лицам. Учитывая ограниченную природу человеческой рациональности и возможности эгоистического поведения, преследующего собственные интересы, такие системы с классической либеральной точки зрения скорее всего будут способствовать конфликтам, поскольку отдельные индивиды и группы могут стремиться к получению контроля над аппаратом управления, чтобы реализовать свои собственные конкретные замыслы.

Классический либерализм делает акцент на свободе объединения и соблюдении прав частной или групповой собственности еще и потому, что последние позволяют формироваться тому, что Хайек именует «стихийными порядками» (Найек, 1982, часть 1). «Порядки» такого рода демонстрируют паттерны координации, но регулярности, о которых идет речь, не являются продуктом сознательного замысла неких агентов, преследующих единую цель. Наоборот, они представляют собой «эмерджентные» феномены, которые возникают в результате действий целой совокупности разнообразных рассредоточенных агентов,

* Временное соглашение между конфликтующими сторонами (*лат.*). — Прим. ред.

каждый из которых преследует свои собственные, обособленные цели. Для классического либерализма такие порядки обладают тройным преимуществом и воплощаются в рыночной экономике, основанной на рассредоточенном, хотя и неравном владении собственностью.

Во-первых, стихийные порядки лучше подходят для того, чтобы справляться с условиями несовершенного знания и ограниченной рациональности, поскольку они опираются на знание, находящееся в составляющих эти порядки разнородных узлах, и адаптируются к этому знанию. Например, на рынках рассредоточенные индивиды и организации делают свои ценовые предложения в отношении тех или иных прав собственности и тем самым вносят частичный вклад в формирование цен, которые транслируют их частную «порцию» информации тем владельцам ресурса, с которыми они торгуют. Последние могут затем адаптировать свое поведение в свете своих собственных предпочтений и знания, и эта адаптация может влиять на последующие транзакции с какими-то другими агентами в рамках все более сложной сети. Ценовые сигналы, которые появляются в результате такого процесса, подталкивают к «экономному (экономизирующему) поведению» [*«economising behaviour»*] и позволяют добиться такой степени координации, которая может оказаться недостижимой для центрального координирующего органа. В условиях ограниченной рациональности и ограниченного знания такой орган не мог бы осознавать всех релевантных возможностей для пошагового улучшения, рассеянных среди разнородной совокупности социальных акторов (Hayek, 1948a, 1982; Хайек, 2011, 2006).

Второе преимущество стихийных порядков состоит в том, что они допускают эволюцию путем экспериментирования. Например, децентрализованный обмен правами собственности на рынке позволяет одновременно тестировать конкурирующие идеи в области производства и потребления. Если бы существовал только один орган принятия решений или «планирования», то любые ошибки с большей вероятностью становились бы системными. Кроме того, в стихийном порядке адаптация происходит быстрее, чем в его централизованном или «плановом» аналоге, — акторы могут учиться на самых прибыльных моделях и имитировать их без одобрения со стороны вышестоящих органов власти или большинства. Для того чтобы участники рынка могли достигать системных усовершенствований, им нет необходимости осознавать, как и почему их действия приносят пользу им

самим или их собратьям. Предпринимательские открытия могут быть результатом чистой случайности, а вовсе не сознательного обдумывания. Важно лишь то, что производственные модели, которые удовлетворяют потребительским запросам, приносят прибыль, которая сигнализирует о необходимости имитировать их, в то время как убыточные модели отвлекают внимание людей от менее перспективных методов производства (Alchian, 1959; Алчиан, 2007). В то же время потребителям нет нужды знать, почему они находят некоторые продукты более удовлетворительными, чем другие. Всё, что они должны сделать, — это «уйти» от поставщиков, которых они сочли наименее удовлетворительными, к тем, кого они находят более приемлемыми. Следовательно, чтобы функционировать эффективно, рыночная «система» требует от любого из ее участников лишь небольших когнитивных способностей (Friedman, 2005).

Приведенные соображения относятся к робастности стихийных порядков применительно к преодолению «проблемы знания» и не делают никаких предположений о человеческих побуждениях и мотивации — они, например, не исходят из посылки, что акторы являются или же должны быть эгоистичными. Однако третье преимущество таких порядков состоит в том, что они предоставляют механизмы защиты от злоупотребления властью там, где люди на самом деле действуют из соображений личного интереса. Как доказывали Давид Юм и, сравнительно недавно, Джеймс Бьюкенен, людей следует моделировать таким образом, «словно они мошенники», причем не потому, что большинство эгоистично, а по той причине, что необходимы институциональные гарантии для ограничения своекорыстного меньшинства (Buchanan, 1986). В конкретном случае рынков возможность «ухода» дает возможность людям избегать акторов, которые предлагают худшие условия сотрудничества. Хотя распределение богатства в рыночной экономике неравномерно, это неравенство носит динамический характер, поскольку ресурсы постоянно перемещаются, уходя от тех, кто не в состоянии использовать свою собственность способом, имеющим наибольшую ценность. Система прав частной собственности обеспечивает стимулы, которые могут побудить даже наименее склонных к сотрудничеству или эгоцентричных агентов действовать приемлемым для общества образом. Там, где права собственности хорошо определены, издержки, порождаемые тем или иным решением, эффективно интернализируются — акторы получают прибыль от решений,

которые выгодны их собратьям, но вынуждены нести издержки, вызванные теми решениями, которые тем невыгодны (Alchian and Demsetz, 1973; Алчиан, Демсец, 2009).

Эти принципы институциональной робастности применимы не только в контексте принятия «экономических» решений, но также и применительно к вопросам распределительной справедливости. С классической либеральной точки зрения те институты, которые дают актерам возможность навязать обществу единую концепцию распределения, несовместимы с процессом эволюционного обучения и с принципом свободы объединения. В условиях ограниченной рациональности могут иметь место существенные разногласия по поводу того, что собой представляет «честное» распределение дохода и богатства. Результаты классического либерального порядка не могут рассматриваться как «справедливые» или «несправедливые», так как они не базируются на подчинении единой системе распоряжений, а следуют из действий людей, объединившихся на основе множества различных дистрибутивных норм (Науек, 1982; Хайек, 2006). Поэтому определяющей характеристикой «либеральной» системы справедливости должна быть «независимость от целей» — система не должна пытаться определить справедливость результатов, которые получились вследствие свободы объединения, но должна стремиться к разрешению споров, когда нет ясности в том, кому именно принадлежат права собственности, а также в том, были они нарушены или нет. С этой точки зрения все акторы — даже если между ними нет согласия по поводу распределительной справедливости — заинтересованы в сохранении тех рамок, которые гарантирует стабильность прав владения, потому что именно эта стабильность позволяет людям жить своей жизнью, не вступая в постоянный конфликт со своими собратьями (Otterson, 2006). С классической либеральной точки зрения никакая центральная власть не может получить доступ к знанию, необходимому для оценки всех факторов, которые вносят свой вклад в конкретное распределение, и с учетом возможности эгоистического поведения в собственных интересах никакой такой власти нельзя доверять определение «справедливости по заслугам» для других.

Если робастные институты — это такие институты, которые лучше всего справляются с человеческими несовершенствами, то таким же должен быть и процесс институционального конструирования. В мире несовершенных знаний и ограниченной доброжелательности люди, изобретая институциональные структуры,

могут совершать ошибки. Поэтому робастная политическая экономика должна допускать эволюционное обучение и обеспечивать сдержки и противовесы на метаинституциональном уровне. Таким образом, в то время как классический либерализм — это теория, претендующая на универсальную применимость при объяснении институциональных типов, наиболее пригодных для облегчения социальной координации, он не предлагает проекта достижения какой-либо конкретной институциональной формы. Процессы эволюционного обучения, которые имеют место внутри рынков, должны действовать на многих уровнях таким образом, чтобы люди могли покидать конкурирующие и зачастую взаимно пересекающиеся институциональные проекты или присоединяться к ним (Buchanan and Vanberg, 2002). Следовательно, хотя государство представляет собой особенно мощную организацию, оно должно быть лишь одной из многих других подобных организаций, сила которых ограничена самим существованием конкурентов.

Важно установить в этом контексте, что на самом деле вытекает из приверженности к «минимальному государству». Самый существенный момент, который нужно подчеркнуть, состоит в следующем: классический либерализм признаёт, что государства могут играть важную роль внутри либерального общества. И подобно тому, как на рынках иерархические организации вроде фирм могут обладать преимуществами в эффективности перед менее крупными и более индивидуализированными единицами производства и потребления, точно так же государства или «государствоподобные» институты могут располагать сравнительными преимуществами, когда дело доходит до обеспечения действенности правил, необходимых для поддержания либерального порядка, например, таких, как защита личности и собственности. Однако границы между теми случаями, где требуется действие со стороны государствоподобных образований, не должны устанавливаться незыблемыми как камень, но, как и в случае границ фирм, должны иметь возможность сдвигаться в ответ на такие технологические и институциональные новшества, которые увеличивают относительную эффективность альтернативных подходов. Поэтому идеал минимального государства в определенной мере текуч и не представляет собой некоей точки равновесия, к которой должны быть устремлены все усилия по реформированию институтов.

Для классических либералов сомнению должно быть подвергнуто вовсе не существование государствоподобных образований, а те процессы, посредством которых возможно возникновение

таких институтов. Правила, которые управляют функционированием рынков, сами могут появляться с помощью «восходящего», идущего «снизу вверх» процесса в рамках стихийного порядка. Например, в состязательных видах спорта участвующие в них команды добровольно подчиняются правилам и регламентам тех или иных конкретных «лиг». Хотя команды конкурируют за зрителей и за признание в рамках таких лиг, они вместе с тем сотрудничают в таких направлениях, которые увеличивают привлекательность их конкретной лиги по отношению к соперникам внутри того же самого вида спорта и вдобавок по сравнению с конкурирующими видами спорта. Конкуренция функционирует в рамках «вложенной» структуры – индивиды и организации соперничают друг с другом, но на более высоком институциональном уровне точно так же соперничают стандарты и правила, которых решают придерживаться различные группы акторов. Аналогично индивиды и организации могут придерживаться институциональных правил, устанавливаемых государствами или государствовподобными образованиями, чтобы поддерживать и защищать разнообразные преимущества вроде большей защищенности собственности, которые в противном случае могли бы оказаться менее доступными. В то же время сами государства могут придерживаться общих норм и стандартов, обеспечение исполнения которых может осуществляться наднациональными образованиями. Учитывая пределы человеческой рациональности и возможность эгоистических действий в собственных интересах, имеет значение то, возникли ли институты, о которых идет речь, через процесс выработки согласия, а не посредством навязанной координации, а также то, существует ли на некотором уровне возможность «ухода» для инакомыслящих, желающих придерживаться альтернативных практик.

С учетом «проблемы знания» и признания того, что «стимулы имеют значение», требования робастной политической экономики задают регулятивный стандарт, в сопоставлении с которым следует оценивать существующие на практике институциональные методы и предложения по поводу реформ. Основные тесты, применяемые к предложениям по поводу институциональных реформ, должны выяснять, расширяют ли они возможности для открытий посредством процесса эволюции, и устанавливать, в какой степени они предлагают стимулы, которые ограничивают потенциально деспотические полномочия власти, осуществляющей принуждение. Многие из исторически сложившихся

институтов, включая государства и наднациональные организации, стали результатом скорее монополистического навязывания, чем консенсусной эволюции, и поэтому могут быть предметом тщательного критического рассмотрения.

Вызовы классическому либерализму и структура книги

Намеченные выше принципы имеют своей целью соответствие институтов и решений критериям робастной политической экономики. Однако выдвинутые заявления о робастности классического либерализма как политического проекта не могут не столкнуться с существенными возражениями, и цель этой книги — дать ответ на некоторые из наиболее важных возражений по этому поводу. Книга состоит из двух частей. В части I проверяется обоснованность возникших в последнее время теоретических вызовов концепции минимального государства, пришедших из области экономической и политической теории. Затем в части II эти вопросы рассматриваются применительно к трем сферам государственной политики, которые оказались в наименьшей степени поддающимися либерализации.

Часть I. Вызовы, с которыми сталкивается классический либерализм

Ядром аргументации в пользу системы открытых рынков и минимального государства является эффективность рынков в передаче информации и создании стимулов к производительности. Однако робастность этой аргументации оспаривается «новой концепцией провалов рынка» [*«new market failure» perspective*] Джозефа Стиглица и его последователей (Stiglitz, 1994). Хотя, согласно Стиглицу, рынки являются необходимой составной частью отлаженной экономики, сравнительный институциональный анализ приводит его к выводам в поддержку не классического либерализма, а модели «смешанной экономики». С точки зрения «новой концепции провалов рынка» рынки насквозь пронизаны проблемами, связанными с коллективными благами и асимметрией информации, подавляющими процесс открытия и передачи информации, препятствующими достижению эффективного равновесия. Следовательно, для того чтобы улучшить размещение ресурсов, представляется необходимым широкое вмешательст-

во государства посредством «оптимизирующих налогов» [optimality taxes] и регулирования производства отдельных видов продукции [product regulation]. В последнее время этот анализ был подкреплен подходом, основанным на зависимости от прошлой траектории [path-dependency] или сетевых экстерналиях и разработанным Полом Дэвидом, который доказывает необходимость дальнейшего вмешательства для корректировки «провалов рынка» в большом числе сфер, для которых характерны «технологические монополии».

В главе 2 разрабатываются центральные темы экономической теории Хайека и вирджинской школы общественного выбора, которые применяются для доказательства того, что новая теория провалов рынка не удовлетворяет требованиям робастной политической экономии. С одной стороны, данный подход сводит сравнительный институциональный анализ к вопросам стимулов. Модели, сосредоточенные на стимулах к поиску информации, про которую известно, что она в принципе доступна, игнорируют «проблему знания», сформулированную Хайеком. С точки зрения теории Хайека функция рынка состоит в том, чтобы привлекать внимание людей к непредвиденным обстоятельствам и возможностям — функция, которая не может анализироваться в терминах моделей равновесия, играющих центральную роль в неоклассической экономической теории. Кроме того, в то время как сторонники теории провалов рынка правы в своей сосредоточенности на «совместимости стимулов», они оказываются не в состоянии применить этот анализ к их излюбленным институциональным альтернативам. Последовательный анализ проблем асимметрии информации показывает, что эти проблемы зачастую оказываются еще более ярко выраженными в условиях государственного сектора, нежели в режиме «несовершенных рынков».

Глава 3 обращается к критике классического либерализма в экономической теории. С точки зрения политических теоретиков коммуитаризма, таких как Чарльз Тейлор, и последователей Юргена Хабермаса, доводы в пользу рыночной экономики базируются на послышке об эгоистических интересах индивидов и на представлении, что «стимулы имеют значение» (например, Taylor, 1985; Habermas, 1992). Эти авторы утверждают, что классический либерализм игнорирует социальный и моральный контекст, в котором формируются индивидуальные предпочтения, и озабочен в первую очередь поиском эффективных «средств», а не открытием новых и более возвышенных «целей». Близкий к этому

набор аргументов, рассмотренный в главе 4, утверждает, что рыночные процессы и принцип «ухода» подрывают тот моральный и социальный капитал, на который они полагаются. Говорится, что либеральная экономическая политика подрывает культурные ресурсы, которые подчеркивают солидарность и сотрудничество. Следовательно, в соответствии с обеими этими точками зрения, рынки следует «держат в узде» с помощью альтернативного набора институтов, организованных на основе процессов «высказывания мнений» [*voice-based processes*], характерных для совещательной демократии [*deliberative democracy*].

Коммунитаристская политическая теория приводит ряд основательных доводов против «гипериндивидуалистических» и рационалистических форм исследования общества, вроде тех, что можно обнаружить в моделях неоклассической экономической теории. Однако цель глав 3 и 4 в том, чтобы продемонстрировать, что даже если согласиться со всей коммунитаристской критикой неоклассической экономической теории, ни один из этих доводов не работает против аргументации в пользу классической либеральной системы. Напротив, аргументы, на которые делал упор Хайек, означают, что рынки и другие институты, основанные на «уходе», могут быть лучше приспособлены для того, чтобы облегчать открытие новых вкусов и ценностей, чем демократические альтернативы, поскольку они предоставляют больше места для децентрализованной эволюции. Аналогично попытки подкреплять нормы, основанные на «солидарности», посредством применения государственной власти не только не способствуют общественному единству, но приводят на деле к нарастанию конфликтов. Следовательно, в обоих этих аспектах коммунитаристские аргументы оказываются несостоятельными по своим собственным критериям. Но вдобавок такие теории никак не учитывают того, каким образом демократические структуры могут решать проблемы неадекватных стимулов. Хотя ошибочно предполагать, что люди всегда действуют исходя из эгоистических интересов, столь же ошибочно исходить из того, что демократические институты способны выходить за пределы действия стимулов. Если судить по стандартам робастной политической экономии, совещательная демократия на самом деле способна уменьшать для людей возможность оспаривать и ставить под сомнение цели друг друга и может не только не создавать новый социальный капитал, но, наоборот, подрывать приверженность социальным нормам, облегчающим сотрудничество.

Последнее из возражений против классического либерализма, рассмотренное в части I, возникает на основе эгалитаристской политической теории. Переход к более неравному распределению богатства в обществах, переживающих процесс экономической либерализации, породил возврат к старым претензиям, что ничем не ограниченные рынки не способны удовлетворить критериям инклюзивности и социальной справедливости. Следуя Ролзу (Rawls, 1971; Ролз, 2010) и Дворкину (Dworkin, 1981), философы, принадлежащие к либеральной эгалитаристской традиции, доказывают, что неравенство в доходах не в состоянии предоставить достаточные компенсаторные преимущества тем, кто находится в наиболее затруднительном положении, и несовместимы с принципом «равного уважения» [equality of respect]. В то же время для философов, связанных с новейшими теориями мультикультурализма, эти факты экономического неравенства — всего лишь один из компонентов намного более широкого набора исключаяющих социальных практик (в терминах гендерной, расовой и сексуальной идентичности), которые усиливаются частнорыночными процессами (Young, 2000).

В главе 5 исследуется робастность эгалитаристских возражений в терминах «проблемы знания» и «проблемы стимулов». Здесь доказывается, что в условиях ограниченного знания и сложных компромиссов, присущих распределительной справедливости, принцип равного уважения не должен пытаться установить тот или иной единственный набор норм применительно к распределению дохода и социального статуса. Напротив, он должен поддерживать рамочную структуру, которая позволяет индивидам и добровольным объединениям обучаться на опыте применения множества разнообразных принципов распределения. Следовательно, равенство уважения должно быть ограничено проведением в жизнь норм «невмешательства», совместимых со свободой объединения и отделения. В дополнение к этим ограничениям, основанным на знаниях, в данной главе показано, что теории справедливости не должны навязывать чрезмерного «напряжения, вызванного обязательствами» [strains of commitment], которое не может распознать связь между собственностью и стимулами. В этом контексте эгалитарные теории, которые трактуют как личные таланты, так и естественные активы [natural assets] в качестве «ресурсов общего пользования» [common pool resources], оказываются несовместимыми с принципом «стимулы имеют значение».

Часть II: Классический либерализм и будущее публичной политики

После того, как в части I предложена теоретическая защита классического либерализма, часть II посвящена более углубленному исследованию некоторых из возникающих при этом проблем, причем в основном она фокусируется на трех областях, которые показали себя наиболее невосприимчивыми к либерализации. В каждой из глав излагается программа классического либерализма применительно к соответствующим проблемам политики, а затем рассматриваются возражения, берущие начало в экономической теории «провалов рынка», а также в обоих вариантах политической теории – коммунитаристском и эгалитаристском.

Первая из глав части II имеет дело с вопросом вспомоществования бедным и социального государства. Перераспределительное налогообложение и предоставление государством услуг образования и здравоохранения опирается на доводы, характеризующие рыночные процессы как одновременно и неэффективные, и несправедливые. Экономисты сосредоточивают свое внимание на информационных проблемах, с которыми сталкиваются пользователи услуг, в то время как политические теоретики обеспокоены тем, что рынки подрывают этос «общественного служения» и не в состоянии обеспечить лицам с более низкими доходами адекватный доступ к полномочиям по принятию решений. Однако в главе 6 показывается, что хотя услуги, предоставляемые социальным государством, действительно порождают для потребителей информационные проблемы, последние имеют тенденцию усиливаться при предоставлении и регулировании этих услуг государством. Что же касается этических и политических проблем, то демонстрируется, что коммунитарные и эгалитарные теории, даже исходя из их собственных посылок, не могут робастно объяснить, почему следует считать институты социального государства лучшими, чем та мозаика конкурирующих ассоциаций, которой отдает предпочтение классический либеральный подход.

Глава 7 сосредоточивается на международном измерении, где в значительной части споров о «неолиберализме» доминирует обсуждение глобализации и торговли. По мнению критиков, политика открытого рынка приводит к возрастанию глобального неравенства вследствие интенсификации конкуренции между развитыми и развивающимися странами. Привлекая теории «зависимости от пройденного пути» [path-dependency], такие кри-

тики поддерживают для развивающихся стран интервенционистские стратегии, сочетающиеся с крупномасштабным наращиванием экономической помощи со стороны более богатых стран, чтобы изменить траекторию развития в беднейших частях света. Этот анализ подкрепляется «космополитическими» теориями справедливости, которые утверждают, что в мире экономической взаимозависимости вопросы социальной или распределительной справедливости должны быть расширены за пределы национального государства таким образом, чтобы охватить глобальные демократические институты. Глава 7 подвергает сомнению робастность этих современных моделей развития, выдвигая на первый план проблемы знания и дефекты, связанные со стимулами, применительно к глобальным структурам управления. В ней показано, что у международных агентств по оказанию помощи недостаточно ни знаний, ни стимулов, чтобы выбрать подходящий путь развития для стран с низким доходом, и делается вывод, что стремление к распределительной справедливости будет, скорее всего, наделять глобальные элиты властными полномочиями за счет граждан как развитых, так и развивающихся стран.

Глава 8 обращается к политике в области окружающей среды, где большинство правительств остаются приверженными подходу, сочетающему командно-административное регулирование с централизованно устанавливаемыми схемами ценообразования. Этот подход базируется на теориях провалов рынка, которые подвергают сомнению практическую применимость решений, опирающихся на права собственности, и на взглядах тех, кто утверждает, будто моральный статус экологических благ препятствует их распределению на основе обмена. Глава 8 опровергает эти возражения. В ней показывается, что хотя транзакционные издержки, связанные с определением прав собственности и их защитой путем принуждения, создают препятствия для экологических рынков, эти издержки затрудняют процессы социальной демократии в гораздо большей степени. В данной главе также продемонстрировано, что в сфере этики аргументация в пользу установления прав собственности в области окружающей среды не ограничивается доводами, апеллирующими к эффективности, но основывается на той точке зрения, что институты рынка предоставляют отдельным лицам и гражданским ассоциациям наибольшее пространство возможностей для выражения их приверженности целям охраны окружающей среды по сравнению с другими ценностями, включая цели материального благополучия.

В заключительном разделе этой главы отмечается, что, хотя существует класс таких «глобальных» экологических проблем, которые с трудом поддаются робастным классическим либеральным «решениям», нет никаких оснований полагать, будь то на основании экономической теории или этики, что альтернативные решения на базе централизованного управления хоть сколько-нибудь лучше годятся для преодоления проблем, о которых идет речь.

Книга завершается главой 9, где приводятся некоторые альтернативные стратегии институциональных реформ. В ней не дается никакой единственной модели того, каким образом двигаться в направлении классической либеральной системы открытых рынков и ограниченного государства. Такая модель будет варьироваться от страны к стране в зависимости от характера эволюционного пути, на который влияют различия в их культуре и традициях. Но важно, что должностные лица, формирующие политику, вооружаются ясным набором принципов, которые должны задавать общее направление реформирования. Цель этой книги состоит в том, чтобы четко артикулировать эти принципы.

Часть I

**ВЫЗОВЫ
КЛАССИЧЕСКОМУ
ЛИБЕРАЛИЗМУ**

ГЛАВА 2

ПРОВАЛЫ РЫНКА, «СТАРЫЕ» И «НОВЫЕ»: ВЫЗОВ СО СТОРОНЫ НЕОКЛАССИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Введение

Экономическая теория находится в сложных отношениях с классической либеральной традицией. С одной стороны, для иллюстрации того, каким образом сложные процессы социальной координации могут осуществляться, не будучи направляемыми централизованной административно-командной системой, часто приводятся произведения Адама Смита. Но, с другой стороны, инструментарий современной неоклассической экономической теории придает большое значение широкому набору «провалов рынка», которые, как считается, оправдывают корректирующее государственное вмешательство. Даже критики рыночной экономики, по-видимому, стали жертвой путаницы по поводу того, в каких отношениях находятся экономическая теория и классические либеральные умозаключения. По мнению многих, полностью рациональные агенты, населяющие модели современной экономической теории, являют собой искаженное представление о человеческой природе, изобретенное для того, чтобы выводить из него либерально-рыночную политику (см., например, Varber, 1984; Ramsay, 2004). Однако эти критики зачастую не в состоянии увидеть, что те же самые модели рациональности используются современными экономистами для привлечения внимания к предполагаемым недостаткам системы нерегулируемого рынка и для обоснования масштабной государственной активности. Как однажды заметил Фрэнк Найт (Knight, 1982: 57): «Критики предпринимательской экономической системы, не обладающие ясным пониманием того, как работает ее механизм, не могут определить, критиковать ли ее за то, что ее функционирование соответствует теории, или же за то, что не соответствует».

Неразбериха по поводу статуса классического либерализма во многом возникает из-за различий в интерпретации «равновесия» в экономической теории. Для тех, кто работает в рамках

мейнстрима неоклассической экономической теории, состояние равновесия является критерием, на основе которого следует оценивать результаты рыночных институтов, действующих в «реальном мире». А с точки зрения классического либерализма робастная политическая экономия применяет понятие равновесия как форму анализа, основанного на «идеальных типах», для исследования того, как институты справляются с имеющими место в «реальном мире» ситуациями, которые отклоняются от равновесного идеала (Voettke, 1997).

В этой главе, фокусирующей внимание на «проблеме знания» и «проблеме стимулов», доказывается, что современный неоклассический анализ экономической политики не способен удовлетворить требованиям робастной политической экономии. Глава начинается с краткого обзора смысла и интерпретации равновесия в современной экономической теории, а затем в ней рассматриваются слабости, присущие таким теоретическим рассуждениям, в контексте «старых» и «новых» аргументов по поводу «провалов рынка». Сюда входит анализ некорректного применения понятия равновесия в «споре об экономическом расчете при социализме» и при разработке теорий внешних эффектов (экстерналий) и общественных благ. Представлены также объяснение и критика более современных теорий провалов рынка, связанных с именем Джозефа Стиглица. В довершение ко всему глава включает некоторые дальнейшие рассуждения по поводу статуса теоретических построений на основе понятия равновесия и предлагает альтернативный эволюционный критерий для робастного применения сравнительного анализа институтов.

Равновесие, эффективность и робастная политическая экономия

Анализ равновесия играет центральную роль в экономической теории главным образом потому, что последняя стремится выделить условия, при которых торжествует «эффективность». Разумеется, эффективность является оспариваемым понятием — если люди различаются по своим целям и ценностям, то действия, которые эффективны с точки зрения одного актора, могут быть неэффективными в глазах других. Экономическая теория пытается избежать этой проблемы несоизмеримости ценностей, определяя эффективность на основе способности различных институтов предоставлять возможности для удовлетворения инди-

видуальных предпочтений. Люди придерживаются разных субъективных ценностей, но именно эти различия в ценностях создают возможности для осуществления взаимовыгодных актов обмена. В этом контексте определенные институты могут препятствовать эффективной реализации людьми их предпочтений, в то время как другие могут облегчать их осуществление эффективным образом.

Общепринятым критерием, на основе которого экономисты мейнстрима оценивают характеристики институтов с точки зрения эффективности, является «оптимальность по Парето». Критерий Парето удовлетворяется, если не существует никакой другой договоренности, в рамках которой положение некоторых улучшится, в то время как положение всех остальных не ухудшится. Выполнение этого критерия подразумевает, что исчерпаны все возможности увеличения общественного продукта и взаимовыгодного обмена и что единственным способом, которым некоторые люди могут улучшить свое положение по сравнению с этим состоянием, является процесс перераспределения богатства. Условия, которые должны удовлетворяться, чтобы децентрализованная рыночная экономика достигала состояния равновесия, оптимального по Парето, первоначально были изложены Леоном Вальрасом, но в формальном виде были сформулированы в 50-х годах XX в. Эрроу и Дебрё (Arrow and Debreu, 1954) в виде фундаментальных теорем экономической теории благосостояния. Эти условия включают наличие полной информации у производителей и потребителей; совершенную конкуренцию, при которой имеется большое количество покупателей и продавцов, ни один из которых не может оказывать существенного влияния на цены; нулевые издержки мобильности ресурсов; отсутствие внешних эффектов и внешних издержек (положительных и отрицательных экстерналий).

Хотя теоремы экономической теории благосостояния составляют ядро неоклассической теории, экономисты, работающие в парадигме мейнстрима, придерживаются разных суждений по поводу того, поддерживает ли такой анализ аргументацию в пользу нерегулируемой рыночной экономики или же требуемые условия являются настолько ограничительными, что ни одна рыночная система не может даже надеяться на то, чтобы им удовлетворить. С точки зрения представителей чикагской школы, являющихся последователями Джорджа Стиглера и Гэри Беккера, общее равновесие представляет собой достоверное описание того, как на самом деле работает рыночная экономика. Производители

и потребители действуют так, как будто они полностью информированы о возможностях для обмена, и даже самые крупные фирмы, учитывая масштабы рынков, на которых они действуют, считаются эквивалентными экономическим агентам, которые, находясь в условиях совершенной конкуренции, не оказывают влияния на цены [price-takers]. Но для критиков «свободных рынков», таких как Кеннет Эрроу и Джозеф Стиглиц, критерий равновесия дает серьезные основания поставить под сомнение свойства эффективности системы нерегулируемого капитализма. «Реальные» рынки отклоняются от стандарта совершенной конкуренции в столь многих отношениях, что в отсутствие государственного вмешательства они приводят к масштабной неэффективности.

Общепринятый способ применения теории равновесия хотя и по-прежнему доминирует в современной экономической науке, тем не менее не удовлетворяет критериям робастной политической экономии, сформулированным во введении к этой книге. Речь идет о неспособности неоклассической экономической теории уделить достаточное внимание тому, каким образом институциональный контекст принятия решений обуславливает получающиеся результаты. Хотя на первый взгляд равновесный анализ имеет дело с оценкой различных институциональных режимов, объяснительная сила этих моделей основывается не на свойствах той или иной институциональной среды, а на допущениях, лежащих в основе соответствующих моделей. Хайек распознал эту тенденцию еще в 40-х годах XX в., когда отмечал: «В стандартных изложениях равновесного анализа, как правило, создается видимость, что вопросы о том, как достигается равновесие, решены. Однако если присмотреться внимательнее, сразу же становится очевидно, что эти мнимые доказательства сводятся просто-напросто к ясной формулировке тех предпосылок, что были изначально приняты» (Науек, 1948а: 45; Хайек, 2011: 55). По-видимому, и чикагская школа, и ее интервенционистские критики повинны в такой предвзятости. В первом случае посылка о полной информации и идеально согласованных стимулах приводит к представлению о том, что рынки приводят к оптимальным исходам. Во втором случае посылка об обладающих полной информацией и идеальной мотивацией государственных акторах ведет к представлению, что государственное вмешательство производит оптимальный результат. Экономистами чикагской школы не предпринято никаких попыток объяснить, каким образом рыночные акторы оказываются в состоянии приобрести способность надлежащим образом

координировать свои действия — предпосылки модели общего равновесия просто-напросто отождествляются с ситуацией, с которой сталкиваются участники рынков в реальном мире. Однако в той же самой тенденциозности виновны и критики выводов, соответствующих классической либеральной политике. Признавая, что реальные рынки не могут удовлетворять критериям равновесия, они не дают никакого объяснения, почему государственные или правительственные акторы могут реализовать необходимое равновесие вместо рынков — это просто постулируется.

Однако поставить под сомнение релевантность общего равновесия так, как это сделано выше, не значит сделать вывод, что это понятие бесполезно. Требуется отказ не от равновесия как идеи, а от тех подходов, которые рассматривают равновесные состояния либо как описание реального мира, либо как описание того, какого способа функционирования мира можно и должно добиться. Более плодотворным применением понятия равновесия является использование его в качестве идеального типа. Как отмечает Бёттке (Boettke, 1997), задача идеального типа состоит в том, чтобы достичь понимания последствий, возникающих при отклонении от идеала. Отклонения от условий идеального типа фокусируют внимание на том, как различные институты справляются с действительными условиями, характеризующими «реальный мир» человеческих взаимодействий. Будучи рассмотренной в этом свете, задача робастной политической экономии состоит не в том, чтобы подчеркивать неспособность социальных или экономических институтов достигать состояния «совершенной» координации, а в том, чтобы давать институционально обоснованные объяснения той степени координации, которую мы видим на деле.

Использование равновесия в качестве идеального типа формирует базис робастного применения сравнительного институционального анализа при выработке государственной политики. Прежде чем констатировать, что тот или иной набор институтов «провалился», аналитики должны предложить объяснение того, как и почему альтернативный набор институтов покажет лучшие результаты в разрешении «проблемы знания» и «проблемы стимулов». Именно таким образом классический либерализм для демонстрации относительной робастности свободных рынков пользуется открытиями Хайека и его школы, а также достижениями школ прав собственности и общественного выбора. В рамках этой аргументации разрабатывается институциональное объяснение того, почему рыночные процессы могут быть

лучше приспособлены для решения проблем несовершенного знания и несовершенной мотивации, чем системы государственного планирования и вмешательства.

Хотя рассуждения в рамках сопоставления различных институтов составляют ядро классического либерализма, этот подход к государственной политике многими не понимается. Нигде это не является столь очевидным, как в случае продолжающегося использования теории «провалов рынка». Хотя сомнительно, что на рост государственного вмешательства напрямую повлияла экономическая теория провалов рынка, существует мало видов вмешательства, для защиты которых в тех или иных случаях не приводились бы доводы на основе «провалов рынка». На представления экономистов по этому вопросу оказали влияние две отчетливо выделяющиеся теоретические волны. Первая последовала за спором 30–40-х годов XX в. об экономическом расчете при социализме; она включает теории несовершенной конкуренции и положения, развитые в теории экстерналий и коллективных благ. Вторая волна стала разрабатываться в 70–80-х годах с появлением «экономической теории информации» и теориями сетевых экстерналий. С точки зрения классического либерализма ни один из этих подходов не удовлетворяет критериям робастной политической экономии. В последующих разделах приводится защита аргументации в пользу классического либерализма от возражений со стороны как «старой», так и «новой» теории провалов рынка и таким образом высвечиваются по-прежнему не устраненные дефекты теоретических рассуждений в экономическом анализе, использующих понятие равновесия.

Классический либерализм против «старой» теории провалов рынка: наследие спора об экономическом расчете при социализме

«Старая» теория провалов рынка и спор об экономическом расчете при социализме

Современная аргументация в пользу рыночной экономики, основанная на сравнительном анализе институтов, возникла из спора об экономическом расчете при социализме, происшедшего в 30–40-х годах прошлого века. В ходе этого спора Оскар Ланге и сторонники «рыночного социализма» доказывали, что аналитическая техника неоклассической экономической теории дает

прочную основу для строительства «плановой» экономики. Ланге и его последователи утверждали, что нет никаких теоретических различий между теми способами, которыми решают экономическую проблему капиталистическая и социалистическая системы. Они согласились с доводом Людвига фон Мизеса (Von Mises, 1920), что эффективная экономическая система, вопреки Марксу, не может обойтись без процесса денежного расчета при оценке производственных планов. Без ценовых сигналов, указывающих на относительную редкость производственных благ, лица, принимающие решения, будут не в состоянии определить, какие именно комбинации исходных благ будут производить продукцию, обладающую наибольшей ценностью. Но рыночные социалисты придерживались мнения, что социалистическая система способна порождать соответствующие ценовые сигналы по меньшей мере столь же эффективно, как и экономика, основанная на частной собственности на производственные активы.

Согласно Ланге, если удовлетворены условия, на которых основана неоклассическая модель равновесия, то социалистические плановики смогут эффективно размещать ресурсы путем вычисления соответствующего набора «учетных цен» (Lange, 1936a, 1936b). В условиях полной информации те же самые данные, которые в неоклассической модели предполагаются доступными для участников рынка, будут доступны и плановикам в правительстве. Поэтому они смогут выполнять функцию «вальрасовского аукционера», корректируя цены вверх или вниз до тех пор, пока не будет достигнуто равновесие между спросом и предложением на всех рынках. С точки зрения Ланге, такие процедуры будут более эффективными, чем система, основанная на частной собственности, поскольку существующие «в реальном мире» рынки не удовлетворяют критерию наличия полной информации и совершенной конкуренции и требуют сложной, включающей множество деталей системы контрактов, в которых, как он полагал, не будет необходимости в государственно-административной системе.

Ланге и его последователи внесли свой вклад в нараставший поток теоретических работ о «провалах рынка», появившихся как в довоенный, так и в послевоенный период, которые ставили под сомнение способность системы частного предпринимательства удовлетворить критериям оптимальности, установленным в неоклассической модели. Продолжающийся рост больших акционерных компаний и исчезновение многих предприятий, находившихся в семейном владении, на первый взгляд служили

подтверждением если и не марксистских представлений о тенденции к «самоуничтожению» конкуренции и «усиливающейся концентрации промышленности», то, по крайней мере, позиции тех, кто подвергал сомнению релевантность рынков с совершенной конкуренцией для «реального мира» (Chamberlin, 1933; Robinson, 1933; Чемберлин, 1996; Робинсон, 1986). Аналогично начало депрессии 30-х годов XX в. и ее продолжительность явным образом вступали в противоречие с информационными допущениями модели, которая утверждала, что рынки представляют собой самокорректирующиеся механизмы. В этой связи предполагалось, что социалистический строй может осуществлять расчеты, необходимые для достижения вальрасовского равновесия, но без тех проявлений неэффективности, спадов и концентрации власти, которые свойственны капитализму.

Еще больше подорвала авторитет классической либеральной позиции разработка теории экстерналий и коллективных благ в годы, последовавшие за Второй мировой войной. Эти теории, первоначально сформулированные А. С. Пигу и развитые в 50-х годах Джеймсом Мидом, Френсисом Бейтором и Полом Самуэльсоном, пришли к выводу, что из-за широко распространенного поведения по принципу «безбилетника» нерегулируемые рынки не могут предоставлять некоторые взаимовыгодные блага и услуги в надлежащих количествах. Если акторы могут перекладывать издержки на других или получать выгоду, ничего не платя, то ценовые сигналы, генерируемые децентрализованным рынком, не способны полностью отражать ценность, придаваемую соответствующим услугам обществом в целом. С точки зрения теории провалов рынка ряд услуг, от предоставления услуг общественных парков и маяков до контроля над загрязнением окружающей среды промышленностью, дает твердые основания считать, что паттерн размещения ресурсов может быть улучшен с помощью адресного воздействия государства.

«Проблема знания»: Хайек и доводы в пользу рынков, основанных на частной собственности

Экономические работы Хайека могут быть проинтерпретированы как ответ на эту теорию провалов рынка первой волны (Caldwell, 2004). В 40-х годах XX в. Хайек выступил автором серии статей, доказывающих, что претензии, выдвинутые социалистами в ходе «спора об экономическом расчете», скорее

демонстрируют слабость неоклассической парадигмы, нежели позволяют сравнить робастность «реальных» рынков и социалистической экономической системы. Согласно Хайеку, признание Ланге формальных правил, которым необходимо следовать, чтобы достичь вальрасовского равновесия, ничего не говорит об относительной способности различных систем приблизиться к чему-то, хоть как-то напоминающему этот стандарт.

Согласно позиции Хайека, невозможно исходить из допущения, что информация, необходимая для экономической координации, может быть получена независимо от институционального контекста (Voettke, 1997). Допущение о существовании объективно «данного» знания означает игнорирование того, как достигается релевантное знание об относительной редкости ресурсов. Тезис Хайека заключался в том, что знание, необходимое для определения содержания ценовых сигналов, используемых для экономического расчета, не может генерироваться социалистической системой централизованного учета — по крайней мере, столь же эффективно, как это делает система, основанная на обмене объектами частной собственности. В основе своей этот аргумент представлял собой утверждение сравнительного институционального анализа, сводящееся к тому, что рыночные процессы лучше приспособлены к тому, чтобы действовать в мире, в котором отсутствуют условия, сформулированные в неоклассической модели (Voettke, 1997). Есть несколько аспектов критики Хайеком неоклассической теории, каждый из которых указывает на институциональное превосходство либерального рыночного порядка.

Во-первых, согласно Хайеку, «исходные данные», которые влияют на формирование цен в рыночной экономике, в их полноте не «даны» никакому агентству, а разделены между множеством акторов, составляющих соответствующий рынок. Система частного предпринимательства с помощью рыночной цены непосредственным образом транслирует составные части этого «разделенного знания». Индивиды и организации торгуются за ресурсы на основе своего знания о личных предпочтениях, доступности заменителей и предпринимательских инноваций, известных только им самим, но в ходе этого они вносят свой частичный вклад в формирование цен, транслирующих их «порцию» информации тем, с кем они обмениваются. Последние могут изменять свои собственные решения о покупке и продаже с учетом этих данных и таким образом передавать информацию последующим агентам, подобно тому, как рыба распространяется по поверхности пруда.

Так, действия находящегося на большом удалении предпринимателя, предложившего более высокую цену за олово в качестве реакции на новый источник спроса, транслируются по всему рынку, поскольку все те, кто использует олово и его заменители, начинают экономить в ответ на повышение цены. Важно, что для того, чтобы изменить характер своего производства и потребления в соответствии с новой ситуацией (например, отказываясь от более дорогих вариантов в пользу более дешевых), рыночным акторам не нужно иметь полной информации о сложной цепи событий, которая привела к росту или снижению цены, — им достаточно знать, что цены, с которыми они имеют дело, изменились. Итак: «Целое действует как единый рынок не потому, что любой из его членов видит все поле, но потому, что их ограниченные индивидуальные поля зрения в достаточной мере пересекаются друг с другом, так что через многих посредников нужная информация передается всем» (Науек, 1948с: 86; Хайек, 2011: 103–104).

Согласно Хайеку, социалистическая система была бы неспособна достичь аналогичной координации, поскольку никакое отдельное агентство не имеет возможности охватить все меняющиеся условия спроса и предложения, с которыми сталкивается множество рассредоточенных социальных акторов. Следовательно, в сравнении с рынком, основанным на частной собственности, система устанавливаемых правительством цен приведет к нерациональному использованию ресурсов.

Второй аспект возражений, выдвинутых Хайеком против неоклассической теории, касается допущения, что «порции» информации, которыми обладают рыночные агенты в отношении планов их партнеров по обмену, с необходимостью являются достоверными. Это допущение очевидным образом содержится в понятии полной информации, которым пронизаны неоклассические модели и которое часто приводит к требованиям устранения «провалов рынка» в случаях, когда информация является «неполной». С позиций, разрабатывавшихся Хайеком, такие модели изначально исключают из рассмотрения процессы, посредством которых индивиды и организации со временем повышают точность своих ожиданий. Задача достижения координации возникает в условиях, когда информация зачастую является противоречивой (Науек, 1948b, 1948с, 1944d; Хайек, 2011). В рыночной экономике индивиды и фирмы предлагают за ресурсы цены, отражающие их собственные субъективные интерпретации, и именно через образование прибылей и убытков эти ожидания

проходят проверку объективными фактами поведения других людей, проявляющегося в решениях о покупке или продаже по тем или иным ценам. Именно сигналы в виде прибылей и убытков, порождаемых столкновением конкурирующих идей, обеспечивают условия для обучения посредством проб и ошибок, поскольку участники подражают успешным предпринимателям и учатся не делать тех ошибок, которые совершили неуспешные предприниматели. Рынки никогда не находятся в равновесии, но сигналы в виде прибылей и убытков, генерируемые в состоянии неравновесия, стимулируют перемещение ресурсов в направлении более высокого уровня координации, чем было бы в противном случае (Kirzner, 1992, 1997). Согласно Хайеку, государственные плановики (будь то демократически избранные или какие-то другие) никогда не смогут установить цены, отражающие восприятие экономических возможностей, распределенное между мириадами акторов, обладающих свободой обменивать титулы собственности на рынке.

Знание рыночных возможностей и несоответствий распределено нерегулярным и неравномерным образом, и именно благодаря неравенству, возникающему в результате процесса конкуренции, предприниматели выясняют, каким производственным моделям нужно следовать, а каких нужно избегать. Таким образом, в соответствии с описанием Хайека, конкуренция никогда не бывает «совершенной». Как раз благодаря тому, что некоторые фирмы обладают бóльшим влиянием на рынок, чем другие, приводится в движение процесс обучения через имитацию. Предпринимательская прибыль, которой не существовало бы в условиях совершенной конкуренции, является символом, сообщающим о наилучшем способе обслуживания рынка. Конкуренция есть динамический процесс, который не может быть отражен в модели, по условиям которой все акторы имеют в своем распоряжении одни и те же данные и пассивно реагируют на объективные стимулы, с которыми сталкиваются. Таким образом, в условиях, когда существуют многочисленные продавцы и покупатели однородных видов продукции, отсутствие совершенной конкуренции представляет собой не «провал рынка», а существенную характеристику процесса, в ходе которого люди осуществляют творческую деятельность по обнаружению новых сочетаний исходных факторов производства и произведенной продукции, и эти эксперименты подвергаются «проверке» на решениях потребителей. Напротив, в условиях «совершенства» «реклама,

сбивание цен и улучшение (“дифференциация”) производимых товаров и услуг — все это исключено по определению; “совершенная” конкуренция и в самом деле означает отсутствие всякой конкурентной деятельности» (Науек, 1948е: 96; Хайек, 2011: 116).

Рынки имеют шанс приблизиться к «совершенству» в неоклассическом смысле, когда нет почти никаких разногласий и нет никакого нового знания, которое нужно было бы распространять. Например, в случае рынка такого товара, как зерно, где трудно различать разные партии товара и где методы производства хорошо известны, маловероятно, чтобы на цены мог существенно повлиять один-единственный актер (Науек, 1948е: 103; Хайек, 2011: 123–124)¹. Но когда продукция может производиться разными способами, когда существует целый ряд потенциальных заменителей и когда требуется гораздо больше времени, чтобы найти подходящую комбинацию ресурсов, методы управления и организационные формы, те, кто создаст наиболее подходящие методы, могут получить существенную прибыль прежде, чем остальные окажутся в состоянии воспроизвести их практику. Эта прибыль отражает лучшее предпринимательское предвидение в условиях неопределенности. Там, где фирмы соперничают друг с другом, организуя кампании по снижению цен, разрабатывают новые продукты, чтобы открыть для себя рынки, и разрабатывают новые формы организации, предпринимательская деятельность зачастую приобретает характер «установления цен» или «влияния на цены» [*price-making*]. Что в действительности требуется для действенности конкуренции — это чтобы существующие участники рынка не были защищены от вызовов со стороны новых участников, предлагающих лучшие возможности, чем всё, что прежде было доступно. Альтернативой такому «несовершенству» является не «совершенная конкуренция», а попытки административно устанавливать цены и регулировать вход на рынок с помощью органов лицензирования и их аналогов. С точки

¹ Что касается рынков сельскохозяйственной продукции, такой как зерно, которые часто считаются больше всего похожими на структуру «совершенной конкуренции», то применительно к ним условие, в соответствии с которым знание о соответствующих методах производства и управления является «данностью», зачастую не выполняется. Как указывают О’Дрисколл и Риццо (O’Driscoll and Rizzo, 1996: 109), при уходе за виноградниками и даже в таких видах деятельности, как выращивание кормовой кукурузы, различные методы производства существуют буквально бок о бок. Поэтому сомнительно, чтобы неоклассическое представление о конкуренции было применимо даже к этим рынкам.

зрения позиции, сформулированной Хайеком, такое регулирование подавляет эволюционный процесс, который дает людям возможность находить методы производства, требующие наименьших издержек, и акторов, в наибольшей степени способных их применять (Hayek, 1948e: 100; 1978b; Хайек, 2011: 120–121; 378–393). Система регулирования из одного центра не может ни воспроизвести, ни заменить этот процесс открытия, поскольку результаты его не могут быть известны в отсутствие действительной конкуренции, сколь бы «несовершенной» она ни была.

Третья и заключительная составляющая хайековской критики сосредоточивается на предпочтениях участников рынка. Для Хайека представление о знании как о чем-то «данном» неадекватно не только из-за наличия ошибок в интерпретации спроса на различные блага и в оценке методов производства, но и потому, что содержание предпочтений людей также подвержено динамическим изменениям. Рыночные агенты обращают внимание на заранее не предвиденные вкусовые предпочтения и организационные практики и усваивают их в ходе самого процесса рыночной конкуренции. Рыночный процесс способствует научению в условиях «радикального незнания», когда акторы как со стороны спроса, так и со стороны предложения узнают такую информацию, о существовании которой они прежде даже не подозревали. Этот тезис содержится в утверждении, что участие в рынках подобно «разведке, путешествию в неведомое» (Hayek, 1948e: 101; Хайек, 2011: 121). В этом смысле Хайек предвосхитил идею Шумпетера о капитализме как о «созидательном разрушении», когда конкуренция в форме новых технологий и методов производства «наносит удар по основаниям и самому существованию» имеющихся на рынке фирм. Статические понятия равновесия не годятся для понимания этого процесса обновления и эволюционного изменения (Lavoie, 1985).

Эта критика допущения о знании как «данности» одновременно ставит под вопрос восходящее в Пигу представление о том, что действия государства могут легко «скорректировать» несовершенства рынка, проистекающие из проблемы экстерналий и коллективных благ. Попросту говоря, издержки и выгоды, связанные с экстерналиями, имеют субъективный характер и лучше всего выявляются через действия людей в ситуации, когда они сталкиваются с рядом конкурирующих альтернатив и когда существуют сигналы в виде прибылей и убытков, транслирующие содержание соответствующих вариантов выбора. Подобно тому,

как правительственные плановики в общем случае не в состоянии получить доступ к информации, достаточной, чтобы установить цены на уровне общественного оптимума, они могут оказаться неспособны установить экологические налоги, субсидии и регулятивные нормы на надлежащем уровне. Это не означает, что невозможны подлинные «провалы рынка», ограничивающие возможность даже «несовершенных» решений. Могут быть некоторые блага, предоставление которых просто-напросто невозможно осуществлять в рамках процесса конкурентного открытия. Однако идеи Хайека приводят к выводу, что по крайней мере бремя доказательства должно сместиться в сторону тех, кто подерживает бóльшую степень государственного вмешательства.

*«Проблема стимулов»: теория общественного выбора
и провалы государства*

В то время как работы Хайека поставили под сомнение теорию провалов рынка, возникновение и развитие школы общественного выбора привлекло внимание к целому ряду других вопросов. Аргументация Хайека против социализма не предполагала никаких допущений насчет мотивации лиц, принимающих государственные решения, — например, ею не ставилась под сомнение идея, что политики и государственные служащие «движимы заботой об интересах общества», и она сосредоточивалась на «проблеме знания» при планировании в условиях сложной реальности. Напротив, анализ общественного выбора отказался от жесткого допущения о мотивированности общественными интересами. Бьюкенен и Таллок (Buchanan and Tullock, 1962; Бьюкенен и Таллок, 1997) возражали против «раздвоенного» представления о человеческой деятельности, неявно присутствующего в моделях провалов рынка, которое описывает людей как действующих исходя из эгоистических интересов в контексте коммерческого обмена, но в то же время приписывает им мотивы, «учитывающие интересы других», как только речь заходит о людях на политической арене. Тем временем Демсец (Demsetz, 1969) доказывал, что теории провалов рынка впадают в «ошибку нирваны» [nirvana fallacy]. Они сравнивают «неэффективность», возникающую в результате экстерналий и информационных проблем на рынке, с точно не определенной альтернативой, в рамках которой, как предполагается изначально, таких проблем не существует. Согласно Демсецу, подход на

основе сравнения институтов требует анализа сильных и слабых сторон «реальных», хотя и «несовершенных» институциональных альтернатив. Например, работа Коуза показывает, что рынки «терпят провал», когда транзакционные издержки интернализации экстерналий посредством спецификации прав собственности оказываются слишком велики (Coase, 1960; Коуз, 2007: 92–149). Однако работа Коуза демонстрирует и то, что такие издержки существуют в условиях любых институтов (Dahlman, 1979; Medema, 1994). Таким образом, вопрос сводится к сравнению относительных размеров транзакционных издержек в рамках «несовершенных» рынков с теми транзакционными издержками, которые возникают при «несовершенном» государственном вмешательстве. Именно в этом контексте вирджинская школа общественного выбора доказывает, что проблемы экстерналий и высоких транзакционных издержек, порождающие провалы рынка, могут быть еще более ярко выраженными в условиях демократического политического процесса.

Теория общественного выбора признает, что передача ответственности за коллективные блага из частного в общественный сектор не устраняет поведения по принципу «безбилетника» и, более того, может создавать еще более серьезные проблемы, чем те, которые препятствуют функционированию частных рынков (Buchanan and Tullock, 1962; Mitchell and Simmons, 1994; Бьюкенен и Таллок, 1997). В частности, поскольку результаты демократического процесса часто обладают свойством неисключаемости, люди могут в качестве «безбилетников» использовать политические усилия других. Получение выгоды от политического процесса требует коллективных действий, но чем больше число людей, которые могут выиграть от такого действия или нести связанные с ним издержки, тем больше стимулов для поведения по принципу «безбилетника». Политические меры, которые приносят выигрыш относительно небольшому числу акторов, могут оказываться привлекательными для хорошо организованных лобби, у которых сравнительно невысоки издержки выявления и наказания «безбилетников». Напротив, меры, выгоды от которых рассредоточены среди больших групп, из-за высоких издержек ограничения поведения по принципу «безбилетника» в ситуациях с большим числом участников не могут породить организованной поддержки, пропорциональной количеству заинтересованных людей (Olson, 1965; 1982; Tullock, 1994; Олсон, 1995; 2013). Соответственно политический процесс может быть

захвачен организациями, представляющими особые интересы, и в частности отдельными группами производителей, которые могут сосредоточить в руках своих членов монопольные привилегии и льготы, одновременно перекладывая издержки вовне, на сегменты населения, не имеющие подобных организаций.

С позиций общественного выбора политический процесс приводит к экстернализации издержек, поскольку люди голосуют за то, что будет оплачено другими (Mitchell and Simmons, 1994; Olson, 2000; Олсон, 2013). Доступ к выгодам, предоставляемым государством, является ресурсом «с открытым доступом». В интересах каждого отдельного индивида поддерживать организации, лоббирующие политические меры, которые избирательно приносят выгоды именно ему и при этом финансируются за счет ресурсов, извлекаемых у электората в целом. Хотя с коллективной точки зрения может быть выгодным воспрепятствовать такому рентоориентированному поведению, вряд ли кто-либо из индивидов или групп прекратит его, поскольку добровольное самоограничение предоставит возможности для эксплуатации такого индивида или группы менее щепетильными акторами. Когда большинство акторов осознают эту логику, общественное взаимодействие может трансформироваться из игры с положительной суммой в игру с нулевой и даже отрицательной суммой, в рамках которой люди будут стремиться к получению эксплуататорского перераспределения благ за счет друг друга (Buchanan and Tullock, 1982; Tullock, 1994).

Связанные с коллективным характером благ проблемы, возникающие в рамках политического процесса «на стороне спроса», дополняются порочными стимулами, воздействующими на политиков и государственных служащих, которые обеспечивают «предложение» политических мер. Поскольку политические акторы не являются «претендентами на остаточный доход», могущими получить личную прибыль от осуществления рационального управления, у них имеется сравнительно мало стимулов к тому, чтобы принимать долгосрочные решения, выгоды от которых реализуются тогда, когда у власти будет находиться кто-то другой. Политики не могут принять решение держать, а потом продать акционерные доли в управлении государственными службами, и вследствие этого у них могут быть стимулы вести себя оппортунистически в собственных интересах либо в интересах групп, пользующихся их покровительством, а не в интересах политического сообщества в целом. Стимулы к производственной

эффективности еще больше подрываются монополистическим характером политического процесса. В период между выборами избиратели оказываются в рамках сценария, не оставляющего им никакого выбора, поскольку имеющиеся у них возможности избежать последствий предоставления низкокачественных услуг чрезвычайно ограничены (Wholgemuth, 1999). Возможность получать доходы посредством принудительного налогообложения создает «мягкие бюджетные ограничения», которые уменьшают стимулы к тому, чтобы реагировать на запросы людей. Мягкость этого ограничения может проявляться и в долгосрочной перспективе, поскольку у граждан обычно имеется весьма ограниченный набор политических конкурентов, из которых можно выбирать. По сравнению с влиянием фирм на частных рынках возможности политиков по навязыванию ограничительных картелей оказываются гораздо большими, поскольку монополия на применение силы, которой обладает государство, дает возможность тем, кто находится у власти, задавать условия политической конкуренции.

«Новая теория провалов рынка: вызов экономической теории информации»

Вышеприведенная критика теории провалов рынка с позиций классического либерализма имела своим результатом переоценку интервенционистских выводов, доминировавших в послевоенный период. С крахом централизованного планирования в Восточной Европе и более умеренных программ национализации отдельных отраслей в капиталистических демократиях экономисты-теоретики пришли к выводу, что неоклассические понятия, связанные с «рыночным социализмом», имеют мало отношения (если вообще имеют какое-то отношение) к суждениям о сравнительных достоинствах альтернативных экономических систем. Однако это признание не привело к принятию выводов классического либерализма. Напротив, хотя было признано, что в моделях всеохватывающей государственной собственности и планирования мало что заслуживает одобрения, теоретическое развитие в рамках неоклассической парадигмы к настоящему времени высветило совершенно новый класс «провалов рынка», в связи с чем можно прийти к заключению, что на основании сравнительного анализа институтов может быть обоснована целесообразность «смешанной» системы,

соединяющей частную собственность с широким государственным вмешательством.

Экономическая теория Стиглица и «новая» теория провалов рынка

На переднем крае новых идей, которые хотя и подчеркивают слабые стороны социалистических систем, но указывают также и на неэффективность рынков, свободных от вмешательства государства, находится нобелевский лауреат Джозеф Стиглиц. Он оспаривает выводы, которые ранее делались на основе моделей Вальраса и Эрроу–Дебрё (Stiglitz, 1994). С одной стороны, Стиглиц отвергает претензию рыночного социализма на то, что центральный планирующий орган может применять модель общего равновесия в качестве правила, на котором должны основываться его решения. Согласно Стиглицу, «реальные» социалистические институты не обладают ни информацией, ни стимулами, необходимыми для достижения этого результата. Однако он точно так же оспаривает релевантность модели общего равновесия для описания работы реальных рынков. Те рынки, которые существуют в реальном мире, редко удовлетворяют, если вообще когда-нибудь удовлетворяют, условиям оптимальности, сформулированным в теореме Эрроу–Дебрё, так что эта модель не может служить оправданием классических либеральных рецептов. То, что на самом деле нужно вместо нее — это сопоставительный подход, который признает, что, хотя информация и стимулы, порождаемые рынками «в реальном мире» имеют некоторые сильные стороны, эти рынки одновременно страдают многими несовершенствами, требующим корректирующих действий со стороны правительства. Таким образом, Стиглиц ставит своей целью сформулировать принципы, которые могут быть применены для определения надлежащей «комбинации» между частными рынками и государственным регулированием (Stiglitz, 1994: 25).

На протяжении всей своей работы Стиглиц подчеркивает, что конкуренция играет важную роль в обеспечении стимулов, побуждающих экономических акторов улучшать свои результаты, и он объясняет провал социалистических экспериментов в Восточной Европе слабостью стимулов, действовавших в отсутствие конкурирующих сил. Он отвергает представление, согласно которому для эффективности конкуренции необходимо, чтобы она

проявлялась в форме поведения, пассивно реагирующего на цены в условиях рынков, на которых имеется большое количество продавцов и покупателей. Вторя Баумолу и тезису о «соستا-тельных рынках» [contestable markets], Стиглиц признает, что даже тогда, когда на рынке имеется гораздо меньше игроков, чем в условиях совершенной конкуренции, конкуренция в таких аспектах, как качество и организационная структура, равно как и ценовая конкуренция, может обеспечить дисциплинирующие сдержки для производителей (Stiglitz, 1994; 112, 132).

Однако эта кажущаяся уступка классической либеральной интерпретации обставлена двумя серьезнейшими оговорками. Во-первых, Стиглиц доказывает, что выгоды от конкуренции не обязательно обусловлены частной собственностью на производственные активы (1994:239). Например, правительство может создать две соперничающие бюрократические структуры, которые будут конкурировать за финансирование и клиентуру, имитируя частные рынки. Во-вторых, Стиглиц утверждает, что хотя конкуренция благотворна в некоторых обстоятельствах, существуют ситуации иного рода, в которых она неэффективна. В частности, существует большое количество сфер, где конкуренция ограничивается эффектами естественной монополии. Хотя в прошлом считалось, что такие монополии ограничиваются отраслями коммунальной инфраструктуры [public utilities], в которых издержки на физическую инфраструктуру, возникающие при снабжении электроэнергией и предоставлении телекоммуникационных услуг, приводят к тому, что в данной конкретной местности предоставлять эти услуги может только один или несколько производителей, Стиглиц утверждает, что эти эффекты распространены гораздо шире. Они особенно ярко выражены, доказывает он, в секторах, требующих больших затрат на исследования и разработки, и там, где имеет место возрастающая задача при росте масштабов производства (Stiglitz, 1994: 140–145).

Приведенные выше аргументы были поддержаны Брайаном Артуром и Полом Дэвидом, которые сосредоточились на тенденции к созданию монополий, якобы присущей рынкам в отраслях, «основанных на знании», страдающих от сетевых экстерналий и эффектов «привязки» [lock-in] (см, например, David, 1985). Согласно этой точке зрения, когда выгоды, получаемые индивидом от потребления некоего блага или услуги, увеличиваются с ростом количества других индивидов, которые потребляют тот же самый продукт (как это, например, имеет место в случае

компьютерного программного обеспечения или телефонных сетей), то может возникать концентрация экономической власти, никак не связанная с характеристиками предоставляемых благ. Решающую роль играет только то, что при превышении определенного порога люди начинают делать выбор в пользу данного продукта на основании одного лишь количества других потребителей, уже включенных в соответствующую «сеть», а не на основе превосходства продукта как такового. В такой ситуации конкуренция не будет отбирать наилучшие продукты, а будет находиться под влиянием случайных обстоятельств, например того, какой продукт первым закрепился на соответствующем рынке.

Для того чтобы дать теоретическое обоснование для макроэкономических предположений в кейнсианском духе, касающихся склонности рынков к проявлению «негибкости» в ходе чередующихся всплесков оптимизма и пессимизма, аргументы, связанные с эффектами «привязки» и зависимостью от прошлых траекторий, были также проинтерпретированы по-новому (см., например, Hill, 2006; Akerlof and Shiller, 2009; Акерлоф и Шиллер, 2010). Согласно этой точке зрения, рынки в условиях неопределенности проявляют ярко выраженную тенденцию к доминированию в них «иррациональных» форм поведения, демонстрирующих слабую связь с лежащими в основании экономическими «фундаментальными показателями», в качестве реакции на неожиданные события или «шоки». Вместо того чтобы производить рациональные расчеты по поводу вероятного успеха инвестиций, люди поддаются под доминирование «стадного инстинкта», когда во время восходящей фазы конъюнктуры люди инвестируют в акции или недвижимость просто потому, что все другие делают это, а в нисходящей фазе они ликвидируют инвестиции вследствие коллективного пессимизма по поводу перспектив будущих доходов. Если государство не вмешается с целью регулирования этих ожиданий посредством различных макроэкономических стимулов (например, регулируя финансовые рынки, повышая налоги во время бума, а во время спада вводя фискальное стимулирование, такое как снижение налогов и увеличение государственных расходов), то нерегулируемые рынки если и проявят некую тенденцию к эффективной координации ресурсов, то лишь по чистой случайности.

С точки зрения новой теории провалов рынка, раз классические либералы преувеличивают роль конкуренции, то они преувеличивают и роль системы цен. Этот вывод получается из

подчеркивания смещенного характера стимулов в условиях ненулевых издержек получения информации. Согласно Гроссману и Стиглицу (Grossman and Stiglitz, 1976), информация никогда не бывает полной, поскольку ее получение связано с издержками — но в ситуации, когда решение о приобретении дополнительных сведений обладает признаками коллективного блага, может быть недостаточно стимулов к тому, чтобы добывать «оптимальное» количество информации. При социализме у плановиков в центре может быть недостаточно стимулов к тому, чтобы добывать необходимую информацию, поскольку они не могут получить от этого достаточно большого выигрыша лично для себя — выигрыш получает общество в целом. Но информационные аргументы, выдвинутые Хайеком в пользу децентрализованной системы ценообразования, аналогичным образом подвергаются сомнению. Аргумент Хайека в интерпретации Гроссмана и Стиглица состоит в том, что цены, порождаемые рынком, представляют собой «достаточные статистики», на основе которых рынки могут эффективно координироваться (Grossman and Stiglitz, 1976: 246; Stiglitz, 1994: Chapter 3). Согласно такому прочтению Хайека, людям не нужно иметь никакой информации об экономике в целом, потому что система цен, находясь в равновесии, транслирует полную информацию всем участникам рынка в косвенной форме. Однако, утверждают Гроссман и Стиглиц, если рынки передают такое количество информации, то ни у кого не будет стимула добывать какую-либо информацию самостоятельно. Хайековские рыночные цены обладают характеристиками коллективного блага, которые позволяют людям пользоваться «без билета» усилиями других, наблюдая цены и получая бесплатно то, что в противном случае пришлось бы искать и добывать (Grossman and Stiglitz, 1976: 246–247; Stiglitz, 1994: Chapter 3). Система цен может действовать только тогда, когда участники обмена имеют возможность скрывать информацию от других участников, и поэтому цены представляют собой «зашумленный сигнал». Из этого Гроссман и Стиглиц делают вывод, что децентрализованные системы ценообразования не могут достичь полного равновесия без корректирующих действий государства.

Вдобавок к проблемам, вызываемым наличием у цен свойств экстерналий, Стиглиц (Stiglitz, 1994: 35) подчеркивает дополнительные провалы рынка, отражающие асимметрию информации. В то время как данное Хайеком описание цен подчеркивает их роль в трансляции меняющихся характеристик

редкости ресурсов, Стиглиц полагает, что цены представляют собой контрольно-измерительный прибор весьма низкого качества. Если задача рынков — эффективно сигнализировать потребителям о качестве, то товары, продающиеся по более высоким ценам, должны быть лучшего качества, чем их более дешевые эквиваленты. Однако, взяв за основу работу Акерлофа (Akerlof, 1970), Стиглиц высказывает мнение, что если одна из сторон рынка не обладает достаточной информацией, то это соотношение не выдерживается. Когда покупатели не имеют возможности оценить качество продаваемых товаров, они будут предлагать более низкие цены, отражающие риск того, что приобретенный товар окажется плохого качества. Но когда цены, на которые согласны будущие потребители, оказываются более низкими, это уменьшает готовность продавцов высококачественных товаров выставлять их на продажу. Таким образом, на рынке с асимметричной информацией плохие товары вытесняют хорошие. Аналогичная проблема «отрицательного отбора» возникает на стороне предложения в контексте рынков страхования. В данном случае продавцы не могут различить покупателей полисов с низкими и высокими рисками, и для того, чтобы компенсировать потенциальные эксцессы потребителей с высокими рисками, они запрашивают высокие цены. В результате потребители с низкими рисками обнаруживают, что им очень трудно найти страховые продукты, которые отражали бы в ценах действительный уровень риска, который эти потребители представляют.

Хотя подход Стиглица признает слабости социализма, он может быть использован для обоснования гораздо большей роли государства, чем признавалась «первой волной» теорий провалов рынка (Stiglitz, 1994: 42–43). Хотя послевоенная неоклассическая теория утверждала, что социалистическая система, применяющая правила ценообразования на основе предельных издержек, может достичь таких же результатов, как и рыночная система, она одновременно придерживалась позиции, согласно которой лишь на ограниченном числе рынков, на которых конкуренция наиболее далека от совершенной или где велики внешние эффекты, государственное вмешательство может на самом деле достичь лучших результатов, чем рынок. Напротив, вывод из аргументации Стиглица состоит в том, что «провалы рынка» широко распространены везде, где применяется система цен, и что государственное вмешательство может, по крайней мере в принципе, повысить эффективность в значительных сегментах

экономики. Так, государства должны проводить активную антимонопольную политику на рынках, где имеют место экономия на масштабе производства и сетевые эффекты; они должны вводить схемы налогообложения и субсидирования для улучшения информационных функций цен; и должно применяться широко-масштабное регулирование секторов, пораженных асимметрией информации, включая здравоохранение, страхование и банковское дело. В этом смысле аргументация Стиглица представляет собой, вероятно, наиболее изощренное экономическое оправдание современного регуляторного государства.

Классический либерализм против «новой» экономической теории провалов рынка

Стиглиц и его коллеги претендуют на то, что они разработали важные инновации, ставящие под сомнение релевантность модели Эрроу–Дебрё для выработки политики и отдающие предпочтение подходу, основанному на сравнительном анализе институтов. Однако при внимательном ознакомлении с их аргументацией обнаруживается, что исходные допущения модели общего равновесия по-прежнему играют роль нормативного стандарта, на основе которого рекомендуется та или иная политика. Это особенно хорошо видно при обсуждении «провалов рынка». Если модель Эрроу–Дебрё является нереалистичным критерием для вынесения сравнительных суждений об институциональных режимах, то такие понятия, как «несовершенная конкуренция», «естественная монополия» и «экстерналии» должны быть заново определены. Но Стиглиц обычно характеризует монополии и проблемы, возникающие из-за неполной и асимметричной информации, как «провалы рынка» именно потому, что они приводят к отклонению от условий, заложенных в равновесии Эрроу–Дебрё. Заявлять, что условия общего равновесия не могут существовать в «реальном мире», но при этом настаивать на суждении, что рынки «терпят провал», когда они не удовлетворяют этим самым критериям, значит проявлять непоследовательность. Разумеется, можно утверждать, что рынки «терпят провал», если выносить суждение о них на основе неких альтернативных критериев, но Стиглиц ничего такого не разрабатывает и не удосуживается объяснить, каким именно образом его предложения по поводу государственного вмешательства позволяют преодолеть проблемы, возникающие из-за